

IMPERSONAL PHATIC METACOMMUNICATIVES IN THE RUSSIAN AND BULGARIAN COLLOQUIAL SPEECH

Abstract: The category of impersonality is related to the usage of non-personal structures, which are widely used in Russian and Bulgarian languages. The semantic non-personal constructs play an important role in phatic communication - they are found in the thematic talk about time and health, and are used in welcoming situations, saying goodbye, complementing the addressee, or in sentences of incitement intention.

Author information:

Nadezhda Stoykova

Lecturer, PhD

at Department of Russian Language

at Konstantin Preslavski – University of Shumen

✉ n.stoykova@shu.bg

🌐 Bulgaria

Keywords:

phatic communication, impersonal sentences,
mentality

В русских и болгарских лингвистических исследованиях категории имперсональности (и в частности специфики употребления безличных предложений) устанавливаются, по первому впечатлению, общие характеристики речевого поведения носителей русского и болгарского языков. Легко замечается общая склонность к пассивности и фатализму, однако, речевое выражение имперсональности в определенных ситуациях общения не имеет симметрического проявления в обоих языках. При наблюдении за различными жанрами фатического общения оказывается, что далеко не все фатические метакоммуникативы¹ выражены безличными формами.

Менталитет той или иной нации находит отражение в языковой картине мира, накладывая свои специфические оттенки в речевом поведении носителей языков. Особенности ментального склада, внутренние импульсы, отражающие глубинные свойства психики языковой личности предопределяют ее языковые предпочтения и специфику речевого поведения.

В последние десятилетия именно тема о менталитете и его отражение в языке в значительной степени интересует исследователей. Говоря о русском языке, следует заметить, что в нем преобладают конструкции, способствующие смягчению категоричности высказываний. Это не случайно и объясняется тем, что носитель русского языка стремится не вторгаться в личное „я“ собеседника, когда речь идет о слушающем и его поступках, так как люди вообще не терпят безапелляционного вторжения в свой мир. Тем же фактом объясняется наличие в русском языке множество синтаксических конструкций, употребление которых помогает избежать конфликта и наладить общение. В этой роли употребляются безличные предложения, в которых

¹ Термин *фатический метакоммуникатив* предложен В. В. Грачевой [Грачева, В., В., Изменения ответной области вопроса при его реализации в речевом акте фатического метакоммуникатива // *Культура народов причерноморья: Материалы I Крымского лингвистического конгресса*. 2009. № 168. Т. 1. С. 63–66] и в данной работе воспринята следующая дефиниция: *фатические метакоммуникативы представляют собой систему десемантизированных конвенциональных языковых стереотипов, отличающиеся по своей синтаксической и интенциональной структуре, которые при реализации фатической функции удовлетворяют коммуникативную интенцию говорящего человека регулировать протекание речевой интеракции на всех этапах – от установления, поддержания и размыкания, до ее прекращения. Их основное назначение является и реализация прагматической функции – установления атмосферы психологического комфорта.*

форма сказуемого не выражает лица, т. е. процесс или состояние не соотносится с их субъектом или активным деятелем [8, с. 64]. Категория имперсональности в русском и в болгарском языках находим в безличных конструкциях, где субъект действия не является активным деятелем. Он выражен косвенными формами датива.

В современных исследованиях категории безличности подчеркивается, что безличные предложения широко употребляются в русском языке, они самые разнообразные по структуре и по семантике разновидности русских предложений. В лингвистической литературе постоянно подчеркивается тенденция их роста и все более широкого распространения в современном русском языке – их количество и частотность употребления неуклонно увеличивается. Это доказывается тем фактом, что лексическое наполнение своеобразных грамматических шаблонов, формирующих безличные предложения постоянно пополняется новыми формами. В качестве таких шаблонов выступают как специализированные формы безличности, так и специализированные безличные конструкции, выражающие специфическую семантику безличности – стихийное независимое от деятеля действие или стихийное независимое от пациенса состояние. Исследователи этой категории указывают на постоянное возрастание набора слов, способных выполнять данную функцию. Язык не старается избавиться от подобного способа реализации представления о действительности, а наоборот, укрепляет его позиции. Для сознания носителей русской культуры, русского видения мира, русского языка важно культивировать и развивать „безличное“ восприятие и отражение бытия [15].

Интересный взгляд на явление безличности в русском языке выдвигает А. Вежицкая. Польская исследовательница считает, что „богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывает, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими. Как и судьба“ [4, с. 75 – 76].

Ссылаясь на наблюдения Е. М. Галкиной-Федорук и А. М. Пешковского о непрерывном возрастании количества безличных предложений на фоне противоположной тенденции в других европейских языках, А. Вежицкая приходит к выводу, что эта тенденция отвечает особой ориентации русского семантического универсума, и в конечном счете, русской культуры. Она утверждает, что в наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры: *душа, судьба, тоска*, которые накладывают свой отпечаток на смысловой универсум русского языка и проявляются в нескольких специфических признаках: **эмоциональности, иррациональности, неагентивности и любви к морали**. Именно склонность к пассивности и фатализму обуславливают, по ее мнению, широкое распространение безличных конструкций в русском языке [4].

З. К. Тарланов оппонирует точке зрения А. Вежицкой. Он отмечает, что широкая представительность безличных предложений в русском синтаксисе отнюдь не свидетельствует об абсолютном их господстве и о преобладающей в русской культурной традиции тенденции рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому умозрению. Он приводит данные о количественном соотношении различных типов предложений в массиве русских пословиц XVII – XX веков. На долю безличных предложений приходится 15 % всех русских пословичных формул, в то время как агентивные предложения в два раза превышают количество первых [17, с. 65 – 75].

А. Вежицкая исследует категорию безличности в русском языке сквозь призму синтаксических и морфологических особенностей английского языка. Она видит в безличности некую „неконтролируемость и иррациональность“ русского менталитета, „общую пациентивную ориентацию“ русского синтаксиса, которая является следствием взгляда на мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [4, с. 55 – 76].

О. В. Гофман придерживается мнения А. Вежбицкой, что иррациональность как черта русского характера проявляется в безличных предложениях, но считает, что обобщения не применимы ко всем типам русских безличных высказываний и этот факт, по ее мнению, связан с чисто грамматическими особенностями русского языка, вытекающих из его типологической характеристики как языка преимущественно флективного и синтетического, включая падежную систему и постфикс –ся. Кроме этого слабое использование пассивного залога (по сравнению с более анализированными индоевропейскими языками и особенно с английским) и относительно свободный порядок слов [6].

Синтаксическое явление безличности русского языка С. Г. Тер-Минасова видит в коллективизме менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее. Автор приводит следующие примеры в русском и английском языках – в тех случаях когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в английском имеют место личные формы: *думается, что – I think; есть охота – I am hungry; холодает – it's getting cold* и др. Отсюда происходит и ее вывод о том, что в английском языке человек берет на себя и действие, и ответственность за него, а в русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных необозначенных силах [18, с. 528 – 529].

В болгарской лингвистической литературе безличные предложения изучаются многими исследователями [16; 13; 14; и др.]. А. Атанасов рассматривает проблему безличности в ряде статей, исследуя специфику безличных предикатов [1; 2; 3]. Несколько исследований З. Минчева посвящено изучению проявления категории имперсональности, которая имеет отношение и к категории безличности [9; 10; 11; 12].

По мнению З. Минчева категория имперсональности в болгарском языке проявляется в случаях отсутствия следующих характеристик:

1. Отсутствие сознания о собственных (чужих) переживаний / Пониженное сознание о собственных (чужих) переживаний;
2. Отсутствие ответственности / Пониженная ответственность;
3. Отсутствие активности / Пониженная активность [12].

В своем исследовании автор описывает национально-специфические транскультурные сценарии, в которых обнаруживаются модели концептуализации имперсональности болгарским языковым сознанием.

Первый сценарий относится к отсутствию сознания о собственных (чужих) переживаний и связывается с первобытным человеческим мышлением. Здесь З. Минчев относит природные безличные глаголы типа *смарчава се, вали, облачно е*, которые являются результатом нерасчлененного восприятия явлений окружающего мира и возникновения простого односоставного суждения со стороны первобытного человека. Такие ситуации характеризуются отсутствием информации о сознательном источнике наблюдаемого действия.

Второй сценарий исследует ситуации, при которых отсутствует активность со стороны субъекта – эти ситуации характеризуются употреблением психологических безличных глаголов типа *спи ми се, мързи ме*. Глаголы подобного рода обозначают, что осознанное состояние человека неподвластно его воле, их источником является некая другая сила. В болгарском языке различают несколько основных типа психологических безличных глаголов:

а. Исконно безличные с винительным субъектом – *мързи ме, додява ме* – их культурный сценарий указывает на неактивность, т. е. *я испытываю определенное чувство, которые находится вне меня и я не могу его контролировать*;

б. Исконно безличные с дательным субъектом – *призлява ми, додява ми* – их культурный сценарий указывает на неактивность, т. е. *я испытываю определенное чувство, которые находится вне меня и я не могу его контролировать*;

в. Производные от личных глаголов с дательным субъектным возвратным элементом – *спи ми се, ходи ми се на море* – их культурный сценарий указывает на неактивность

и отсутствие ответственности, т. е. *я испытываю желание совершить определенное действие и причина этого желания вне меня, я не могу это контролировать;*

г. Предикативы *грях ме е, срам ме е* – культурный сценарий указывает на неконтролируемое состояние наличия ответственности, т. е. *я чувствую моральную обязанность;*

д. Предикативы *не ме е еня, не ме е грижа* – культурный сценарий указывает на неконтролируемое состояние и отсутствие ответственности, т. е. *я не испытываю моральной обязанности;*

е. Предикативы *добре ми е, мъчно ми е, рано ми е, шумно ми е* – культурный сценарий указывает на неконтролируемое состояние, содержащее и оценку самого состояния, т. е. *я оцениваю положительно или отрицательно то чувство, которое я испытываю и не могу осуществлять контроль над ним.*

ж. Предикатив *не ми е до това* – культурный сценарий указывает на неконтролируемое состояние и отсутствие ответственности, т. е. *я не испытываю желания делать или обсуждать что-то.*

Автор заключает, что в этих глагольных и именных конструкциях легко ощущается **пассивность** и **фатализм** болгарской языковой картины мира. Свои наблюдения доказывает, приводя примеры из творчества Хр. Ботева, Ел. Пелина, Й. Йовкова, где описаны быть и душевность болгарского социума. Во многих болгарских пословиц и поговорок можно увидеть эту невозможность и неспособность индивида управлять свою судьбу, пассивность, побуждение к проявлению терпения и веру во всемогущество судьбы: *Преклонената глава сабя не я сече, Много хубаво не е на хубаво, „Трай, бабо, за хубост, И в къщи да си седши, бедата ще те застигне, ако Небето ти я праца, Ако ти е писано да се обесиш, няма да се удавиш, Срамувай се от сторената злина, не се хвали с добрина, Не питай старило, а патило, Когото не го е срам, не го е и грях* и мн. др.

Третий сценарий описывает отсутствие ответственности и связан с употреблением социальных безличных глаголов, которые выступают в различные сценарии:

а. Неподтвержденный факт, сплетня – *говори се, че – я знаю людей, которые говорят, что X, но не хочу / не могу / нет необходимости упомянуть кто они;*

б. Констатация/упрек – *това палто е изцапано – я вижу испачканное пальто, но не знаю / не хочу сказать / нет необходимости сказать кто это сделал;*

в. Констатация/упрек – *тук е пушено – я вижу ситуацию, при которой кто-то очевидно курил, но не знаю / не хочу / нет необходимости сказать кто это делал;*

г. Правило, обычное положение дел – *тук не се пуши / пушат цигари – информирую тебя, что на этом месте существует правило, запрещающее куренье – т. е. это касается и тебя, но я не хочу сказать тебе это прямо в глазах;*

д. Дипломатия – *работата, която се върши тук... – скажу что-нибудь об этой работе, не буду указывать кто ее делает, потому что не хочу / мне неудобно / не знаю как будете реагировать.*

В четвертом сценарии приводятся в пример модальные безличные глаголы типа *нужно е, налага се, може, случва се, предполага се* и др., которые выражают низкую степень имперсональности [12, с. 215 – 227].

По наблюдениям безличные конструкции играют важную роль в фатическом общении носителей русского и болгарского языка. Они широко употребляются при обсуждении характерных для фатики тривиальных тем о погоде и о здоровье, при побуждении, при приветствии, при прощании, при выражении комплимента и т. д. Такие конструкции могут встречаться как в жанрах, улучшающих взаимоотношения участников общения, так и в жанрах, ухудшающих общения. При их помощи говорящий скрывает свою активную позицию, и таким образом, ему удастся возможность применять разнообразные тактики речевого общения, способствующих осуществлению его намерений.

Часто встречается **тактика побуждения адресата** – в побудительных предложениях безличные конструкции позволяют избежать активного вторжения в эмоционально-волевою

сферу собеседника, призывая на себе помощь апелляцию к необходимости действия, к которому побуждается адресат:

Русский язык

— **Нельзя ли, по крайней мере, хоть это выяснить?**

— *Это-то уж точно нельзя, - покачал головой Мышкин (Белюсова);*

— **А нельзя ли зажечь лампу?** - спросил Рудольфи.

— *К сожалению, не могу этого сделать, - отозвался я, — так как лампочка перегорела, а другой у меня нет (Булгаков).*

Болгарский язык

— *Като дете имах ревматизъм. Понякога...*

— **Тогава не трябва ли да спрете пушенето?** (БНК);

— **В такъв случай не трябва ли да тръгваш?**

— *Имам достатъчно време. (БНК).*

При реализации этого тактического хода наблюдается несимметричность безличных конструкций в русском и болгарском языках. Безличные конструкции помогают избежать несвойственного русскому менталитету подчеркивание активной роли субъекта действия, а для болгарского речевого поведения характерен акцент на личную ответственность исполнителя каузируемого действия. Характер запрашиваемого действия не всегда предполагает его выгодность для слушающего, поэтому адресат сообщения получает, как правило, имплицитное отражение. Таким образом, используя безличные конструкции, носитель русского языка снижает категоричность суждения, приобретающего оттенок разьяснения целесообразности подчиняться каузируемому действию. Тактика разьяснения целесообразности, выраженная безличных конструкций в болгарском языке обычно используется в инструкциях по эксплуатации, в руководствах или предписаниях: *Съответните дискове трябва да се продават само в региона, за който са лицензирани; Неравномерно или прекомерно загряване трябва да се избягва; Затова не трябва да се консумират заедно (БНК).*

Употребление безличных предложений может рассматриваться и как тактический ход, цель которого заключается в **привлечении внимания слушающего** к объективно обусловленным потребностям инициатора сообщения. Эти конструкции употребляются с целью получения со стороны адресата поддержки на осуществление действия:

Русский язык

— **«Слушайте, - говорю я, - осталось всего полмесяца до начала занятий, нельзя ли отложить встречу?»**

— *«Речь идет лишь о знакомстве, нам срочно, прекрасные условия...» (НКРЯ);*

— **А нельзя ли сделать для нас еще и серьги из этого жемчуга?**

— *Хорошо, я сделаю, - согласился ювелир, - но тогда вы немножко приплатите мне деньгами за серебряные замочки (НКРЯ);*

— **Координатор, нельзя ли на этот раз без меня?** *Формулу Рапорта я знаю наизусть, - сказал Карпов.*

— *Ты обязан присутствовать (Прошкин).*

Болгарский язык

— *Тогава няма ли да е най-добре да минете направо на въпроса?*

— *Да, направо на въпроса.*

— *Милорд, няма ли да е по-безопасно да оставим момчето тук на лодката?*

— *По-безопасно, да. По-разумно — не (БНК);*

— *Ами как ще го извадим, ако не го направиш?*

— *Ама... ама — започна Пъзъл — няма ли да е по-добре ти да влезеш? (БНК).*

Приведенные примеры показывают, что в таких ситуациях общения для болгарского языка не свойственно употребление категории имперсональности. Говорящий делает мягкое побуждение, используя преимущественно личные формы глагола, указывающие на активную роль своего собеседника.

Наиболее часто безличные предложения в русском языке встречаются в фатическом речевом жанре **прощания**. Косвенно указывая на себя, говорящий использует эту тактику, чтобы непреднамеренно не оскорбить хозяев. Нередко в таких конструкциях используются слова, усиливающие намерение попрощаться – *действительно, срочно, немедленно, к сожалению* и др.:

Русский язык

— Тонечка!

— **Простите, Митя, но мне пора домой.**

— Подождите же хоть пять минут!
(Каверин);

— Вот мы и расстаемся с вами, - печально сказала она.

— Да... — тихо ответил Незнайка. — **Нам уже пора домой.**

— Вы совсем недолго побыли у нас.

— **Мне очень хочется побыть еще, но и домой хочется,** — опустив голову, сказал Незнайка (Носов);

— **Ну что же, мне пора,** - сказала я устало.

— Да, я провожу тебя. Нынче ночью я была счастлива. На обратном пути немного поэзии. (Рудых).

Болгарский язык

— А, тъкмо ми напомняш, че не мога да отсъствам дълго. **Време е да тръгвам.**

— Жалко ... Поздравете всички от мен.
(Енев);

— Време е да тръгвам, че ще изпусна влака. Радвам се, че си поговорихме.

— И на мен ми беше приятно. Отбивай се всякога когато имаш път насам (БНК);

— Извинявам се на всички, но мисля, че е време да тръгвам. Утре рано имам разговор.

— **Не ми харесва това, че ще се върнеш сама на брега** (БНК);

— Заедно с това — **прекъсна ме тя — ти кажи, че съм ти помагала да пишеш романа.**

— **Не, по-добре това да си остане тайна.** Офелия погледна часовника. — **Е добре, време ми е. До утре.** (БНК).

В ситуациях прощания в болгарском языке наблюдается исключительно редкое использование имперсональных конструкций. Примером такого употребления может послужит конструкция *време ми е* в последнем диалоге. В эксерпированном корпусе, в большинстве диалогических единствах встречаются чаще всего личные глагольные формы 1 л. ед. / мн. ч.

Характерные для русского языка бессубъектные конструкции встречаются в фатическом общении и в ситуациях, при которых адресат имеет намерение **отказать инициатору диалога в удовлетворении его просьбы**, но при этом собирается сохранить с собеседником теплые отношения. В той же ситуации общения носитель болгарского языка ставит акцент на личную ответственность за исполнения действия. Показательным примером является высказывание героини Чудомира, которая пять раз заявляет свою позицию и ответственность за свои действия (*стара съм, кекава съм, ще се петля, ще ви преча, ще си остана*). Имперсональные конструкции в ее речи (*не ме бива за нищо, тук ми е добре*) значительно меньше по количеству:

Русский язык

— Евгений, дорогой, ненаглядный, возьмите меня к себе... **Время наше уходит, мы уже не молоды, и хоть бы в конце жизни нам не прятаться, не лгать.**

Болгарский язык

Каниха я, молиха я да се прибере, при когото обича, да си почива и гледа старините, но тя благовидно отказа:

— **Стара съм, майка, кекава съм, не ме бива за нищо, само ще се петля из**

— Мне 55 лет, уже поздно менять свою жизнь (Чехов);

краката ви и ще ви преча. Тук, в старото гнездо, ми е добре и тук ще си остана. Дъщерите ми са наблизко, преглеждат ме и ме навестяват, внучетата ми идват, щом узрее черницата, прасковите и ябълките, аз им ходя на гости — какво по-хубаво от това. (Чудомир).

Безличные конструкции в русском и в болгарском языках встречаются в жанре **комплимента**, который относится к фатическим жанрам, улучшающим межличностные отношения в прямой форме.

Любой комплимент продиктован желанием сделать приятное собеседнику, а чтобы вызвать у человека положительные эмоции, нужно знать его личностные особенности. Поэтому основными требованиями к комплименту являются *соразмерность* (разным людям в зависимости от возраста, степени знакомства с ними говорящего и т.д. комплимент высказывается по-разному) и *ситуативность* (в некоторых случаях можно похвалить внешность, в других – интеллект, в третьих – вкус и т. д.). Кроме того, комплимент согласно русскому менталитету, должен быть искренним и нетривиальным [5, с. 171].

Комплимент оценивается обществом положительно и чаще всего принимается адресатом благосклонно. Тактика комплимента в наибольшей степени способствует успешному протеканию коммуникации. Комплимент служит поднятию настроения, созданию дополнительных стимулов к благорасположению и общению и, таким образом способствует достижению коммуникативных целей общения. Включения безличных конструкций в этот этикетный фатический жанр усиливает положительный эффект от произнесенных реплик. В построении комплиментов разные языковые личности придерживаются разных речевых стратегий, выбор которых определяется типами индивидуальных стилей говорящих. Категория имперсональности может быть выраженной как в реплике комплимента, так и в ответе на комплимент:

Русский язык

— Мне стало жалко помешать вам, может быть, вы видели счастливый сон...

— Ничего не видела!

— Ну, все равно! **Но мне понравилась ваша улыбка.** Спокойная такая, добрая... большая! Людмила засмеялась, смех ее звучал негромко, бархатисто.

— Я и задумалась о вас... (Горький);

— Вы мыслите очень своеобразно, — сказала она, — вы оригинальный человек!

Мне понравились ваши замечания о Станиславском (НКРЯ).

Болгарский язык

— Ще се кача горе и ще се преоблека.

— Харесва ми как изглеждаш.

— Благодаря.(БНК);

— Ще бачкам! Защото си имам достойнство и...

— **Ей това ми харесва в тебе!** Фильо, хайде да те вода у нас!(БНК);

— Силия, ти си изключителна! Неповторима!

Тя се засмя:

— **Ласкаеш ме, но това ми харесва!**(БНК);

В устной болгарской речи зафиксировано более частое употребление безличных конструкций. Например, при фатическом жанре **приветствия**, особенно в ситуациях между хорошо знакомыми коммуникантами, говорящий нередко задает вопрос *Как си?*, ожидая получения точной информации о состоянии своего собеседника (в отличие от других ситуаций, при которых подразумевается, что этот вопрос в сильной степени стереотипизован и ответ на

него должен быть сформулирован в рамках принятых в данном обществе вежливых этикетных формул типа *Благодаря, добре; Добре съм вие как сте и др.*). В устном корпусе русского языка на этот вопрос зафиксировано большое количество ответов (типа *хорошо, нормально, ничего, порядок, все в порядке, дальше будет лучше, все в пределах нормы* и др.), не содержащих безличные конструкции. На этот вопрос, в болгарском языке, в неофициальной ситуации, между хорошо знакомыми коммуникантами можно услышать ответы, сформулированные преимущественно безличными предложениями: *Как да съм? Спи ми се; Днес ми е едно такова заспало; Много ме мързи* и др. под.

Безличные конструкции в болгарском языке употребляются в диалогическом общении **при выражении личного отношения к теме разговора:**

— *Виждаш ми се умърлушен, мой човек. Тая наплач май ти лази по нервите, а?*

— *Направо ми се драйфа при вида на тия продупчени езици и обици по зърната на гърдите. (БНК);*

— *По дяволите, постарай се никога повече да не изопачаваши истината в мое присъствие, защото от лъжите ми прилява!(БНК);*

— *Потръпвам, когато чувам това, прилошава ми до дън душа, когато го слушам. (БНК);*

— *Заповядам ти да го отвориш!*

— *Нарежданията ми...*

— *Изобицо не ми пука какво ти е наредено!(БНК);*

— *Доколкото знам, ти имаш много по-важна работа тук, в Опал. Той ме изгледа гадно.*

— *Не ми пука особено какво мислиш по въпроса, Чудак.(БНК).*

В современной разговорной болгарской речи все чаще, к сожалению, встречаются случаи использования личных местоимений в номинативной форме в высказываниях с безличными сказуемыми типа *аз ми се спи, аз ми харесва, аз ми се иска* и др. Важно подчеркнуть, однако, что это языковое явление характерно для носителя низкой языковой культуры и в достаточной степени связано с его индивидуальными чертами, как например, образование, степень лингвистической компетенции, коммуникативные навыки, психологические характеристики и др. Употребляя подобные ненормативные конструкции, говорящий, в его качестве носителя языка, демонстрирует некая свобода высказа, свой взгляд к языку и свои личностные языковые смыслы.

Эти разговорные конструкции подробно исследованы болгарской исследовательницей М. Джоновой с точки зрения их информационной структуры. В своей работе автор указывает на их отличительную особенность – наличие личного местоимения в форме именительного падежа, что противоречит официально принятой языковой норме. Стремление говорящего игнорировать имперсональность в высказываниях с безличными сказуемыми привело к замене местоимения в косвенном падеже с соответствующей формой именительного падежа. Этот речевой поступок оправдывается желанием заполнить пустую позицию подлежащего в предложении [7, с. 107].

Совпадения применения бессубъектных конструкции в русском и болгарском языках встречаются в жанрах **ухудшающих межличностные отношения** (например, в ссорах, обвинениях) при высказывании оценки действия и комментарии о моральных и этических ценностях другого собеседника в общении:

Русский язык

— *Продай собаку, — говорит Бобров.*

— **Как тебе не стыдно!**

— *Ну тогда подари. Здесь ей будет лучше.*

Болгарский язык

— *Подлец! - развика се леля Емилия.*

—Ей-то — да. (Довлатов);

— Лиза, сознайся, ты влюблена в Горизонтова! Верно?

— **Как тебе не стыдно**, Татьяна, говорить о таких легкомысленных вещах в такой ответственный момент!

— Я знаю-знаю, я все вижу! Вижу, как ты на него смотришь. Ты так на него смотришь из-за плеча, что у меня мурашки по спине пробегают (Аксенов).

— Ела бързо тук! Ела да ти опъна ухото! **Как не те е срам** да не ми се обадиш досега...(Вежинов);

— Всичко сте обърнали с главата надолу! Ей сега ще извикам милиция!

— Ние, без да искаме! —отвърнаха жално разбойниците. — Друг път няма!

— **Как не те е срам**, момиченце! (БНК);

Спря на будката и постави стотинки върху наредените вестници.

— Слънце! — каза той важно. Стоеше поизправен на пръсти, за да изглежда по-голям.

— **Как не те е срам!** — скара му се будкаджийката (Братя Мормареву).

Проведенный анализ эксцерпированных примеров выявил, что имперсональные фатические метакоммуникативы отличаются более высокой частотности употребления в русском языке, чем в болгарском. В большинстве рассмотренных ситуаций фатического общения наблюдается, что носитель русского языка отдает предпочтение употреблению безличных конструкции. Носитель болгарского языка в тех же ситуациях ставит акцент на ответственность исполнителя действия, подчеркивает активную роль субъекта. Симметричность при использовании имперсональных фатических метакоммуникативов наблюдается в ситуациях высказывания комплиментов, а также и в некоторых жанрах, ухудшающих межличностные отношения.

References:

1. **Atanasov, A.**, Bezlichnite predikati „ima“ i „nyama“ v SBE. // Politiki na razlichieto, ezici na blizostta. Sofiya, UI „Sveti Kliment Ohridski“, 2006a, s. 405 – 411.
2. **Atanasov, A.**, Zalogova karakteristika na bezlichnite glagolni skazuemi v SBE // BE, No 1, 2006b, s. 52 – 61.
3. **Atanasov, A.**, Argumentna struktura na bezlichnite predikati // Sbornik v chest na 65-godishninata na prof. d.f.n. R. Nicolova, 2008, s. 241 – 250.
4. **Vezhbickaya, A.**, Yazyk. Kulytura. Poznanie. 1996 g., Moskva, Russkie slovori.
5. **Gorelov, I., N., Sedov, K., F.**, Osnovy psiholingvistiki. Uchebnoe posobie. Tretye, pererabotannoe i dopolnennoe izdanie, Izdatelystvo "Labirint", Moskva, 2001 g., 304 s.
6. **Gofman, O., V.**, Bezlichnye predlozheniya: otrazhenie nacionalynogo mentaliteta? // URL: <http://net.knigi-x.ru/24filologiya/757446-1-ov-gofman-bezlichnie-predlozheniya-otrazhenie-nacionalnogo-mentaliteta-prodolzhayuscheesya-ras.php>
7. **Dzhonova, M.**, Konstrukcii ot tipa az mi se struva v balgarskata razgovorna rech // Problemi na balgarskata razgovorna rech, kn. 6. V. Tarnovo, 2004 g., s.107 – 116.
8. **Lingvisticheskiy ehnciklopedicheskiy slovary.** Pod. red V. N. Yarceva. Moskva, Sovetskaya ehnciklopediya. 1990 g., 682 s.
9. **Minchev, Z.**, Distribuciya na kategoriite personalnost i lice v savremenniya balgarski ezik. // Elektronno spisanie na SU „Kliment Ohridski“, <https://philol-forum.uni-sofia.bg/distribucia-kategorii-personalnost-lice-sbe/>.
10. **Minchev, Z.**, Klasifikaciya na proyavite na impersonalnost v balgarskata glagolna sistema //Slova, koito svetyat v moya pat. Sbornik s dokladi ot XVI nacionalna konferenciya za studenti i doktoranti i srednoshkolci, posvetena na 100-godishninata ot smartta na P. K. Yavorov. Plovdiv, 2014 g.

11. **Minchev, Z.**, Nov pogled varhu stanovishcheto na Konstantin Popov za bezlichnite glagolni sachetaniya. // Slovoto – tradicii i modernost. Sbornik s dokladi ot XVII nacionalna konferenciya za studenti i doktoranti. Plovdiv, 2015 g.
12. **Minchev, Z.**, Kulturni i pragmatichni aspekti na impersonalnostta v balgarskiya ezik, Seged, 2016 g., s. 215 – 227.
13. **Nedev, I.**, Sintaksis na savremenniya balgarski knizhoven ezik, DF «Bryag-print», Varna, 1992 g., 348 s.
14. **Penchev, J.** Balgarski sintaksis. Upravlenie i svarzvane. Plovdiv, 1993 g., UI „Paisij Hilendarski“, 208 s.
15. **Petrov, A., V.**, Kategoriya bezlichnosti v sovremennom russkom yazyke, Avtoreferat. kand. diss. filol. nauk., Moskva, 2007 g., 43 s.
16. **Popov, K.**, Savremeneni balgarski ezik. Sintaksis. Sofiya, 1963 g., Nauka i izkustvo, 346 s.
17. **Tarlanov, Z., K.**, Russkoe bezlichnoe predlozhenie v kontekste ehtnicheskogo mirovospriyatie // Filologicheskie nauki, 1998 g., № 5.
18. **Ter-Minasova, S., G.**, “Ya” i “My” v kulyturah i yazykah // Russkoe slovo v mirovoj kulture. Materialy X Kongressa MAPRYAL. Sankt-Peterburg, 30 iyunya – 5 iyulya 2003 g. Plenarnye zasedaniya: sbornik dokladov. T. II. – SPb: Politekhnik, 2003 g.

Balgarski nacionalen korpus (BNK): <http://search.dcl.bas.bg/>

Nacionalnyj korpus russkogo yazyka (NKRYA): <http://www.ruscorpora.ru/>